

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'1+929Алпатов
ББК 81.2Рус-5

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

ЕЩЕ РАЗ О ДЕДУКЦИИ
В КОММУНИКАТИВИСТИКЕ:

реплика по поводу статьи В. М. Алпатова о
«детских болезнях» современной лингвистики

ONCE AGAIN, ON DEDUCTION
IN COMMUNICATIVISTICS:

a remark about the article by V. M. Alpatov
about “childhood diseases” in modern linguistics

Аннотация. В статье анализируется точка зрения российского лингвиста В. М. Алпатова, отрицающего в современном изучении коммуникации дедуктивный подход. Обсуждаются различные возможные лингвистические и нелингвистические причины, по которым дедуктивный подход иногда оказывается неэффективен. Показано, что в современном изучении коммуникации исследований, использующих четкие методики, даже меньше, чем постулатных. Препятствует систематическому подходу также привлечение в теоретических контекстах «нестрогих» источников: этнических стереотипов, мемуаров эмигрантов. В то же время эти опасности могут как сопровождать использование дедуктивного подхода, так и быть следствием либо причиной отказа от такого использования.

Ключевые слова: Алпатов, дедукция, индукция, коммуникативистика.

Abstract. The article analyzes the opinion of Russian linguist V. M. Alpatov who denies in the modern study of communication deductive approach. We discuss the points of view, according to which the deductive approach in science or is itself worse than inductive, or can not be used for external linguistic and non-linguistic reasons. It is shown that in the modern study of communication is less studies using explicit methods, than postulate. The usage of “lax” sources in theoretical contexts: reflections of writers, philosophers, memoirs of immigrants and ethnic stereotypes – also prevents systematic approach. At the same time, these dangers can accompany the use of the deductive approach, as well as be the result / cause of failure from such use.

Key words: Alpatov, deduction, induction, communicativistics.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Настоящая статья (скорее реплика в дискуссии) представляет собой мой отклик на статью В. М. Алпатова «О двух “детских болезнях” современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры)» [1], которая, в свою очередь, представляет собой реакцию на ряд публикаций в лингвистике новейшего времени, причем значительная часть статьи Алпатова (приблизительно две трети) навеяна прочтением моей монографии «Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике» [2]. За это я, конечно, испытываю к Владимиру Михайловичу живую и искреннюю и авторскую, и читательскую благодарность: с одной стороны, каждому исследователю гораздо приятнее получить не формальную «дежурную» рецензию, а полноценный, развернутый разбор его научной позиции. С другой стороны, многие высказанные там соображения (в том числе, естественно, критические) заставляют чита-

теля серьезно задуматься о проблемах лингвистического изучения коммуникации, а также об общем состоянии лингвистической науки. Так что я благодарен Владимиру Михайловичу не только за то, что он высказал свою заинтересованную и несомненно глубоко продуманную позицию по всем этим вопросам, но и за то, что решил сделать их обсуждение достоянием многих, оформил мысли по поводу моей книги в статью (и я, как редактор «Жанров речи», поставил эту статью первой в первый номер журнала за 2014 год). В то же время я считаю, что важные и интересные и некоторые дополнительные проблемы, которые менее развернуто (и менее убедительно?) затронуты Алпатовым, – и свои соображения на этот счет я тоже, в свою очередь, решил оформить в статью. На мой взгляд, обсуждение этих вопросов имеет общетеоретическое значение и встраивается в дискуссию, которая периодически возникает в современной

лингвистической (шире – гуманитарной) науке.

Неустойчивое, мерцающее или мифологизированное состояние «передовых рубежей» науки, которое Алпатов называет «детскими болезнями», безусловно очень важно распознавать и обсуждать, но – что же следует понимать под детскими болезнями?

Их ученый прямо связывает с дедукцией.

Характеризуя современное состояние и ближайшие перспективы изучения коммуникации (в частности, коммуникативных ценностей), В. М. Алпатов утверждает, что здесь «вряд ли пришло время дедуктивных построений, пока что более перспективны ограниченные по масштабам индуктивные исследования, в том числе компаративные» [1 : 12].

Собственно, настоящая статья – попытка поразмышлять о логике ученого, которая привела к данному утверждению: оно представляется, с одной стороны, не вполне уместным в контексте современного изучения коммуникации, с другой – просто неверным. За этим утверждением стоит представление об общей роли дедуктивного подхода в науке (всегда кто-то из исследователей больше тяготеет к индукции, кто-то – к дедукции, это совершенно естественно, именно поэтому, полагаю, проблемы дедукции и индукции следует рассматривать не на примере одного исследователя, а в общем плане), но в статье Алпатова это представление не получает настоящей ясности. Специальных аргументов для обоснования приведенного положения автор не дает, и причины этого «вряд ли пришло время» читателю приходится во многом «додумывать» самому. В то же время складывается впечатление, что здесь есть связь и это выступление против дедукции у Алпатова имеет вполне системный характер.

Прочтение всей статьи Алпатова позволяет предполагать, что могла иметься в виду одна из двух совершенно разных причин.

Во-первых, ученый мог считать, что дедуктивный подход в науке сам по себе хуже индуктивного (и, следовательно, любое его использование есть «детская болезнь»).

Основания считать так есть. (Собственно, они всегда были и всегда будут.)

Есть основания и для того, чтобы полагать, что логика Алпатова именно такова: «я не утверждаю, что это не так, но как это доказать?» [1 : 12] – весьма частотная форму-

лировка, используемая ученым в аргументации. Исследователи, находящиеся на дедуктивных позициях (или хотя бы признающие право дедуктивного подхода на существование), такой аргументацией и такими формулировками, как правило, не пользуются.

Но в этом смысле «время» для дедуктивного подхода, в общем, и не будет (и не бывает) никогда, поскольку дедуктивное обнаружение, установление или введение некой новой сущности, закономерности или модели всегда будет несколько нелогично, неожиданно, интуитивно, всегда «не совсем» вытекать из уже накопленных и обследованных фактов.

В то же время несомненно, что такой подход в науке необходим. Иногда именно он по-настоящему двигал науку вперед в обстоятельствах, когда на это были не способны никакие индуктивные разыскания и описания. Как известно, вопрос о том, какая теория по-настоящему хороша: та, которая абсолютно строго следует за собранными и описанными фактами и только за ними, или та, которая дает объяснение максимально большому возможному количеству фактов, единиц, сфер, – остается открытым в науке. (Наконец, чистой дедукции... вообще не существует в природе, поскольку она противоречит основам человеческого мышления. Любая возможная дедукция опирается на личный опыт исследователя и факты, т. е. более или менее частные знания и находки, хранящиеся в памяти.)

Если эта первая гипотетическая причина того, что «вряд ли пришло время дедуктивных построений» в изучении коммуникации, является, так сказать, внутренней, ингерентной для дедуктивного подхода вообще, то вторая причина, делающая акцент не на понятии «дедуктивный», а на «сейчас», – скорее внешняя: возможно, дело не в том, что дедуктивный подход сам по себе плох, а в том, что «сейчас» не время его использовать.

Попробуем же разобраться, что может означать это «сейчас».

Собственно, для такого положения вещей, в свою очередь, тоже могла бы быть не одна, а две причины.

Первая «внешняя» причина может быть обозначена как лингвистическая. В целом Алпатов довольно много говорит о научных парадигмах в лингвистике, много и уместно цитирует авторитетных ученых, которые высказывались в этом ключе, таких как А. Е. Кибрик: «всё, что имеет отношение

к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики... То, что считалось "не лингвистикой" на одном этапе, включается в него на следующем» [3 : 20]. Главная же идея статьи Алпатова, которая прочитывается в этом контексте, – необходимость поиска научно корректных методов; детская болезнь тогда – стремление науки (лингвистики) «забегать вперед», решать новые задачи, для которых еще не выработаны методы (незавершенная научная парадигма по Т. Куну).

В этом смысле утверждение «с е й ч а с не время для дедуктивного подхода» по своему обоснованно: действительно, в коммуникативистике «научных», «недетских» исследований, использующих четкие методики, очевидно недостаточно – их чуть ли не меньше, чем постулатных (хотя при здоровом состоянии науки логично было бы как раз наоборот), и за 20–30 лет количество их, кажется, не сильно прибавилось (детская болезнь затянулась). (Кстати, в моей монографии «Коммуникативные ценности русской культуры» много говорится о том, что преобладание дедукции над индукцией, «постулатность» – одно из наиболее слабых мест изучения коммуникативных ценностей и коммуникации в целом [2 : 31–45].)

Складывается впечатление, что весь пафос статьи Алпатова направлен против того аспекта современной научной парадигмы в лингвистике, который условно может быть обозначен как антиструктуралистский и который где-то слишком далеко увел лингвистику от формальных моделей, каковое требование раньше казалось незыблемым (да и сейчас, по-видимому, должно оставаться таким – по крайней мере, такова точка зрения Алпатова). Можно ли этого добиться в любом лингвистическом исследовании, если, по процитированному выражению А. Е. Кибрика, теперь «всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики», конечно, другой вопрос. Кстати, в другой своей статье, написанной год назад, В. М. Алпатов был менее категоричен в этом вопросе:

«Безусловно, могут раздражать субъективность и произвольность выводов, в некоторых областях современной лингвистики (например, в исследованиях языковых картин мира) иногда прямо-таки возводимые в культ. И хотелось бы иметь какие-то критерии выделения жанров. Но как бы мы ни старались избегать крайностей, у нас (пока?) нет иных

критериев проверки, кроме так называемого здравого смысла, то есть данных опыта и интуиции, в том числе языковой. Например, анализ конкретного материала у отечественных исследователей речевых жанров мало похож на структурный анализ текстов в лингвистике, но очень напоминает анализ в менее строгих науках, особенно в литературоведении. <...> Но и исследование литературного произведения, и выявление жанровых характеристик текста, и семантический анализ (например, в рамках Московской семантической школы) могут быть убедительны (или неубедительны) в зависимости от степени интуитивной приемлемости. Можно ли со временем здесь выработать формальные критерии? Прав ли В. И. Абаев, принципиально отрицавший эту возможность? Не знаю...» [4 : 18].

Видно, что Алпатова раздражает бум нынешней когнитивистики, концептологии, лингвокультурологии, где очень (слишком?) многое выводится как раз из всевозможных «нестрогих» и традиционно всегда несколько подозрительных для ученого источников: размышлений философов, публицистов, мемуаров эмигрантов, этнических стереотипов, наконец, идеологии – т.е. всего того, что Алпатов весьма категорично называет «не наукой» (в статье 2014 г.):

«В. В. Дементьев отмечает то, что лингвисты в данной области следуют двумя путями. Они, "с одной стороны, идут за философами, пытаясь найти в системе языка и корпусе текстов подтверждение или опровержение соответствующих философских положений, с другой – анализируют собственно языковые факты и на их основе формулируют некоторые выводы". Первый путь, безусловно, естествен, но *вряд ли может быть назван научным; думается, что его следовало бы избегать...*» [1 : 12].

С этим, конечно, трудно спорить.

За высказанной точкой зрения Алпатова прочитывается закономерное опасение сторонника «чистой науки», что привлечение и серьезное рассмотрение в теоретических контекстах подобных данных сделает взгляд исследователя «ненаучным». Нет необходимости приводить, увы, многочисленные примеры, демонстрирующие, что происходит, когда на смену научности приходит тенденциозность, конъюнктурность, оценочность и их производные: идеологичность, политизация. Ярлык «вульгарный», который добавляют к названию соответствующей науки потомки, является лишь одним из свидетельств того, каково истинное место дисциплины, утратившей научную чистоту, в контексте истории науки.

Но ирония состоит в том, что все названные «опасные вещи» могут как сопровождать использование дедуктивного подхода (быть его следствием либо причиной), так и быть следствием / причиной отказа от такого использования!

Увы, не менее легко привести печальные примеры, когда таким же образом дедуктивные обобщения в науке (лингвистике) объявлялись вредными и даже запрещались – причины этого часто были именно внелингвистически-идеологическими.

Назовем эту вторую «внешнюю» причину (напомним, речь идет о возможных причинах того, что, по утверждению Алпатов, сейчас не время для дедуктивных построений в изучении коммуникации) **в н е л и н г в и с т и ч е с к о й**.

Истоки ее – языковая политика и «просто» политика.

Понятно, что, например, в 1920-1930-е гг. в СССР лингвисты не могли делать обобщений относительно губительного влияния тоталитаризма на коммуникацию и язык: с одной стороны, это было бы невозможно само по себе, с другой – они не могли «индуктивно» опираться ни на какие разработки, конкретные исследования, выявленные и систематизированные факты, потому что таких исследований просто не проводилось (лишь в 1960-е гг., да и то во многом эзоповым языком, стало возможно говорить о «канцелярите»).

Наверное, нет необходимости доказывать, насколько полезно и очистительно было бы тогда такое исследование как для собственно лингвистики, так и общей гуманитарной и общекультурной парадигмы (даже если не предаваться революционно-утопической фантастике).

Точно так же в 1960-е – 1970-е гг. немыслимо было опубликовать лингвистическую работу, где утверждалось бы, что гигантский поток речевого официоза – газетных передовиц и речей дикторов на ТВ, зачастую оторванных от событий реальной действительности (а то и просто лживых), развивает у массового носителя языка отрицательное отношение к литературному языку вообще. Лишь в конце 1980-х гг. об этом стало можно говорить – см. ныне широко известные работы Е. А. Земской и ее последователей из ИРЯ АН СССР. (Но было, собственно говоря, уже поздно: с этого времени и на полтора-два десятилетия вперед страну захлестнула речевая разнузданность, все-

дозволенность, а как следствие – безграмотность.)

Есть ли основания полагать, что возможные дедуктивные обобщения, которые увязывали бы в единую систему большое количество явлений современной коммуникативной практики (прежде всего, конечно, негативных), воспринимались бы современной властью как прямо нежелательные? Увы, таких оснований совсем немало... а чтобы привести их, совсем не обязательно быть лингвистом – достаточно «побыть в хронотопе»... именно поэтому им и не место здесь, в лингвистической статье.

И как же в этом контексте следует воспринимать строгое алпатовское «не время для дедуктивного подхода»? (Речь, разумеется, не идет о чрезмерном увлечении дедуктивными моделями: оно, как и любая абсолютизация, чревато не только отрывом от реальных фактов, но и политизацией вплоть до прямой конспирологии – см. мою реплику в дискуссии об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях [5]).

Кроме того, логика Алпатова выражает обобщенное отношение представителей традиционной лингвистики к новым лингвистическим дисциплинам, в особенности внелингвистическим. Приблизительно так же, например, сторонниками традиционного **синтаксиса** были встречены теория актуального членения и генеративизм: новаторам сразу же было указано на то, что какие-либо обобщения в этой области (к которым, естественно, вообще надо относиться предельно осторожно) возможны только на базе огромного количества проведенных исследований конкретного фактического материала – т.е. сначала индукция, а лишь затем (может быть: посмотрим!) дедукция... В то же время именно обилие фактического материала уже давно разрывало и размывало традиционно-синтаксические «желобки и тропинки», становилось очевидным, что для того, чтобы упорядочить отбор материала, необходимо принять некоторые общие принципы, которые не могут быть выведены непосредственно из особенностей материала. Продолжающееся же использование индуктивизма в таких условиях, вместо того чтобы обогащать и двигать вперед общую теорию синтаксиса, только перегружало ее, заставляло пробуксовывать и стагнировать, а в итоге – быть менее пригодной на роль объясняющей модели при осмыслении этого самого фактического материала...

Хочу напомнить, что считают необходимым делать время от времени дедуктивные утверждения даже те лингвисты, которые заявляют приоритет индукции в своих исследованиях, например О. Б. Сиротина, которая в своей последней книге [6] не только детально анализирует речь современных российских СМИ (особенно нарушения), но и выдвигает гипотезу, что система русского языка и речи обнаруживает тенденцию к *самовосстановлению*, – каковая тенденция, конечно же, не может быть выявлена и доказана только на индуктивных данных (хотя бы потому, что для этого нужен материал как минимум нескольких поколений).

Возвращаясь к **теории речевых жанров**, о которой мы уже неоднократно говорили здесь, вспомним, как данная теория складывалась и развивалась в 90-е гг. XX в.: в то время, наряду с самыми радужными надеждами и первыми новаторскими исследованиями, очень авторитетно и заметно звучали предостережения из стана «консерваторов» (например, М. Ю. Федосюка, отчасти Т. В. Шмелевой), что до единой всеобъемлющей теории еще очень далеко (и не надо торопиться), а надо быть готовым к началу очень продолжительного периода – сбора конкретных материалов для будущей (когда-то в отдаленном будущем!) энциклопедии речевых жанров. В то же время как не вспомнить высказываемые тогда же противоположные точки зрения – о периоде «разбрасывания камней», предшествующему будущему собиранию этих самых камней (К. Ф. Седов), т.е. что дедукция здесь таки может и даже должна идти впереди индукции! Вот цитата из работы К. Ф. Седова 1999 г.: «В современном жанроведении, недавно возникшем и интенсивно развивающемся ныне направлении антропологической лингвистики, существует достаточно много типологий речевых жанров. Однако эта отрасль языковедения сейчас находится в той стадии своего развития, когда еще рано подводить итоги, рано «собирать камни». П о т о м у (Разрядка моя. – В. Д.) мы предлагаем свою типологию жанровых форм разговорной речи, осознавая, впрочем, ее дискуссионный характер» [7: 92]. Впрочем, что значит «собирать камни», время для какого занятия, по мнению (конечно справедливому) К. Ф. Седова, еще не пришло в теории речевых жанров в 90-е гг.? В этом смысле – систематизировать различные, желательные многообразные модели и концепции, р а б а т ы в а т ь д е д у к т и в н у ю

т е о р и ю ! Вот что К. Ф. Седов писал значительно позже о развитии «ФЛ-науки» – по сути, речеведения (частью которого является теория речевых жанров): «Отечественная ФЛ в своем становлении сейчас переживает этап, основной приметой которого выступает остро ощущаемая потребность в самоопределении и самопрезентации. Это время “собирать камни”, время объединять огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений – гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т.п. – в целостную и внутренне структурированную учебно-научную отрасль» [8 : 105].

В этой связи можно привести еще один пример, пожалуй, еще более яркий и свежий, – **изучение концептов**. Как известно, вероятно, каждому современному лингвисту, в семантических, когнитивных, культурологических научных центрах, школах, диссоветах индуктивные исследования концептов (конкретные, частные, «от материала») сейчас множатся – тогда как именно дедуктивного теоретического взгляда, который объяснил бы многие разрозненные явления в единой плоскости, чрезвычайно не хватает! Это признают, в общем, все специалисты: и авторы работ / диссертанты, и научные руководители, и рецензенты, и члены диссоветов соглашаются и даже настаивают на формулировках актуальности, научной новизны и теоретической значимости соответствующих диссертаций: «...при активном развитии... ощущается нехватка именно теоретических обобщающих моделей, позволяющих осмыслить в единой плоскости...» (правда, несмотря на то, что диссертации, содержащие такие формулировки, множатся точно так же, до настоящего построения такой теоретической модели, в общем, по-прежнему или почти по-прежнему далеко – но это уже совсем другой вопрос).

Говоря простыми словами: ощущение некоторой неудовлетворенности, которое испытывают, видимо, многие (а не только автор этих строк) и которое возникает вопреки огромному количеству исследований концептов (а где-то, видимо, и психологически оправдывает это огромное количество, вообще очень большую активность исследователей-концептологов, иногда кажущуюся не вполне пропорциональной ценности результатов), – так вот, это ощущение того, что имеющиеся, вроде бы неплохие и даже универсальные принципы концептологического анализа именно не универсальны и недоста-

точные. И эта неудовлетворенность, и сдержанно-оптимистические ожидания свидетельствуют о необходимости и отсутствии пока хорошей дедуктивной теории!

Из этого же ощущения (или уже убежденности?) исходят руководители и участники некоторых научных центров, где на базе, с одной стороны, многих индуктивных исследований концептов, с другой – сравнительного анализа многих подходов, концептологических направлений и школ формируются обобщающие теория, методика, терминология (например, изложенные в многотомной «Антологии концептов» под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина). Кстати, эти попытки, которые я (и несомненно многие другие неравнодушные исследователи) воспринимаю очень положительно, с оптимизмом, суть не просто дедукция, а дедукция одновременно первого и второго порядков (метатеория) (подобное имел в виду и К. Ф. Седов). И именно сейчас становится особенно актуальным проанализировать все эти разнообразие школы, сравнить и обобщить их достижения и «ограничения», совершенно необходим ряд конференций, которые собрали бы исследователей-теоретиков из разных центров...

Доказали ли мы общую правомерность дедукции в науке? Будем надеяться, что да. (Если это вообще было необходимо.) Кстати, Алпатов прямо говорит, что с а м н е з н а е т , насколько сейчас пришло – или не пришло время для дедуктивных исследований: «И всё же следовало бы разобраться в том, на каком этапе лингвисты сейчас находятся» [1 : 12].

Важнее, однако, ответить на другой вопрос (или вопросы): к а к и м и должны быть дедуктивные построения, какие к ним должны предъявляться требования, каких типов они должны быть и какую роль играть в будущих исследованиях (дедуктивно-индуктивных), претендующих на научную качественность.

Интересно, что у В. М. Алпатова, несмотря на заявленное им общее неприятие дедуктивного подхода в современной науке о коммуникации, находим весьма сочувственное цитирование положения В. И. Абаева о разграничении двух «языковых идеологий», которое с очевидностью не может быть применено к «чисто» индуктивной науке: ученый выделял «идеологию, выраженную в самом языке (как идеологической системе)», и «идеологию, выраженную с помощью языка

(как коммуникативной системы)» [9 : 35]. В первом случае с а м ф а к т , что язык является идеологической системой, может быть принят только дедуктивно; во втором же случае «идеологию», которая подлежит выражению с помощью языка и которую затем можно изучать лингвистическими методами, надо сначала (по отношению к этому будущему лингвистическому анализу, д е д у к т и в н о) понять и сформулировать.

Возвращаясь к исследованию коммуникативных ценностей, данное положение В. И. Абаева, видимо, может быть понято как разграничение двух типов исследований / двух типов материала:

1) анализ рефлексии над коммуникативными ценностями, которая, так сказать, уже была когда-то кем-то осуществлена, а сейчас доступна нашему наблюдению, будучи зафиксирована в семантике языковых (прежде всего лексических) и речевых (текстовых) единиц (последние представляет рефлексия как высоко компетентных носителей языка в письменной форме – философов, писателей, журналистов, – так и наивных практиков, например в повседневной устной речи);

2) анализ того, как коммуникативные ценности проявляются непосредственно в самой коммуникации (этот материал составляет и коммуникация, осуществляемая успешно, и различные коммуникативные неудачи).

В моей монографии [2] были представлены в основном взгляд и соответственно материал первого типа.

Конечно, этого недостаточно.

Привлечение и анализ (дедуктивно-индуктивный) собственно коммуникации планируются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. №1–2(9–10). Саратов, 2014. С. 9–15.
2. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica).
3. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
4. Алпатов В. М. Лингвистика вчера и сегодня: размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генристика» // Коммуникация. Мышление. Личность : матер. междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Го-

релова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ Наука, 2012. С. 12–25.

5. Деметьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях : к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. Вып. 1(39). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2012. С. 11–16.

6. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с.

7. Седов К. Ф. Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. С. 86–99.

8. Седов К. Ф. Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 105–110.

9. Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука, 2006. 150 с.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. O dvukh «detskikh boleznyakh» sovremennoj lingvistiki: yazyk, ideologiya, rechevye zhanry [About two «childhood diseases» of modern linguistics (language, ideology, speech genres)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2014, no. 1–2(9–10). Saratov, 2014. pp. 9–15.

2. Dement'ev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow, 2013. 338 p. (Studia philologica).

3. Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied

aspects of linguistics.]. Moscow, 1992. 336 p.

4. Alpatov V. M. Lingvistika vchera i segodnya: Razmyshleniya nad stat'ej K.F. Sedova «Yazykoznanie. Rechevedenie. Genristika» [Linguistics yesterday and today: Reflections on article by K.F. Sedov «Linguistics. Speech study. Genristics»]. *Kommunikaciya. Myshlenie. Lichnost'* [Communication. Thinking. Personality]. Saratov, 2012, pp. 12–25.

5. Dementyev V. V. Ob ocenochnosti i absoljutzicii v lingvisticheskikh issledovaniyah: k diskussii A. D. Shmeleva s A. V. Pavlovoj i M. V. Bezrodnym o «lingvonarcissizme» [On Valuation and Absolutism in linguistic research: on the discussion between A. D. Shmelev and A. V. Pavlova, and M. V. Bezrodny on «linguonarcissism»]. *Political linguistics* [Politicheskaja lingvistika], no. 1 (39). Ekaterinburg, 2012, pp. 11–16.

6. Sirotinina O. B. *Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language: system, usus and created by them risks.]. Saratov, 2013. 116 p.

7. Sedov K. F. Zhanry rechi v stanovlenii diskursivnogo myshlenija jazykovej lichnosti [Speech genres in the formation of discursive thought of linguistic person]. *Russkij yazyk v kontekste kul'tury* [Russian language in a cultural context]. Ekaterinburg, 1999, pp. 86–99.

8. Sedov K. F. Principy postroenija sovremennoj otechestvennoj psiholingvistiki [Principles of construction of modern domestic psycholinguistics]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2007, no 5, pp. 105–110.

9. Abaev V. I. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniya* [Articles on the theory and history of linguistics]. Moscow, 2006. 150 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике